

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА / RUSSIAN LITERATURE

А.М. Подоксенов
A.M. Podoksenov

ПРИШВИН И БУНИН: О ГЕРМЕНЕВТИКЕ АНАЛИЗА ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ¹⁵

PRISHVIN AND BUNIN: ON THE HERMENEUTICS OF ANALYZING WRITERS' WORKS

Целью исследования является сопоставительный анализ романов «Кащеева цепь» М.М. Пришвина и «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина, над которыми писатели работали многие годы, стараясь в художественной форме не только отобразить своеобразие своего жизненного пути, но и показать, как через усвоение семейного опыта, гимназического и общественного бытия происходит становление личности. Для понимания исходных детерминант, которые предопределяли своеобразие отношения к действительности обоих художников слова, наиболее важным представляется исследование именно этих главных романов для их творчества, что имеет важное методологическое значение, которое еще не в полной мере нашло свое отражение в пришивиноведении и бунининоведении. Романное бытие главных героев и многочисленных персонажей этих книг имеет то существеннейшее значение, что с позиций уже сложившегося понимания общественной и межличностной жизни Пришвин и Бунин ретроспективно оценивают дни своей юности. И здесь возникает вопрос о неизбежных наслоениях на текст позднейших мировоззренческих интерпретаций, что обязывает предельно внимательно относиться к деталям повествования и к тем интерпретационным версиям, которые находятся как на поверхности, так и скрыты в метафизическом пространстве подтекста. Все это, по нашему мнению, требует обращения к герменевтике, которая в современном литературоведении становится все более признанной, хотя и недостаточно популярной методологией. Новизна исследования состоит в конкретных примерах применения герменевтического подхода к сравнительному анализу «Кащеевой цепи» и «Жизни Арсеньева», позволяя выявить как их скрытые смыслы, так и предложить новые интерпретации художественного бытия романских персонажей.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.М. Пришвин, творчество, герменевтика, автобиография.

¹⁵ Статья использует материал авторского доклада, прочитанного на Международной научно-практической конференции «Бунинская Россия» в контексте современных гуманитарных исследований» (Елец, 23–24 октября 2025 года).

The purpose of this study is to conduct a comparative analysis of the novels "The Chain of Kashchei" by M.M. Prishvin and "The Life of Arsenyev" by I.A. Bunin, which the writers worked on for many years, trying to use artistic form not only to depict the uniqueness of their own life paths, but also to show how personality development occurs through the assimilation of family, school, and social experiences. In order to understand the initial determinants that predetermined the uniqueness of the attitude to reality of both writers, it is most important to study these main novels in their works, which has an important methodological significance that has not yet been fully reflected in the studies of Prishvin and Bunin. The novel existence of the main characters and the numerous characters in these books is of the utmost importance, as Prishvin and Bunin retrospectively evaluate the days of their youth from the perspective of their already established understanding of social and interpersonal life. This raises the question of the inevitable layers of later worldview interpretations that have been added to the text, which requires a careful examination of the narrative details and the interpretations that lie both on the surface and in the metaphysical realm of the subtext. All of this, in our opinion, requires an appeal to hermeneutics, which is becoming an increasingly recognized, albeit not sufficiently popular, methodology in modern literary studies. The novelty of this research lies in the specific examples of applying a hermeneutical approach to the comparative analysis of "The Chain of Kashchei" and "The Life of Arsenyev" allowing us to uncover their hidden meanings and propose new interpretations of the fictional characters' existence.

Key words: I.A. Bunin, M.M. Prishvin, creativity, hermeneutics, autobiography.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-70-75

Жизнь и творчество Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) и Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954), двух великих земляков, имеет множество совпадений: учились они с разницей в несколько лет в мужской классической гимназии г. Ельца и, не окончив курса, покинули ее, оба стали писателями, и жизнь их завершилась с разницей в два месяца. Если же говорить об их творческой судьбе, то, образно говоря, Иван Бунин – это вынесенный революцией на чужбину чистокровный орловский рысак, сумевший взять главный приз международного литературного дерби – Нобелевскую премию 1933 года. Пришвин же, подобно ломовой лошади русской культуры, десятки лет в условиях большевистского режима тянул нелегкий воз внешне подвластного цензуре писателя, а втайне – духовно свободного летописца, лично свидетельствуя о трагических реалиях советского постреволюционного бытия.

Для понимания исходных идейно-эстетических и мировоззренческих детерминант, предопределивших своеобразие осмысления писателями современной им истории, наиболее значимым представляется сравнительный анализ их главных, созданных в период зрелого творчества, когда уже во многом определились их индивидуальные художественные методы, во многом автобиографических романов – «Жизнь Арсеньева» Бунина и «Кашеева цепь» Пришвина. Очевидной трудностью их аналитического сопоставления является чрезвычайно насыщенная духовная жизнь литературных героев в контексте воспроизведенного в романах исторического бытия России. Поэтому исключительно важным представляется нахождение адекватного содержанию текстов способа их интерпретации. Правда, как справедливо отмечает Х.-Г. Гадамер, сам ход времени помогает решить «критический вопрос герменевтики»¹⁶: как отделить *истинные*

¹⁶ Герменевтика (греч. – толкование) – в узком смысле – совокупность правил и техник истолкования скрытых смыслов текста.

предрассудки, благодаря которым мы *понимаем*, от *ложных*, в силу которых мы *понимаем превратно*» [2, 353].

Именно к герменевтическому методу следует обратиться при анализе того эпизода «Кашеевой цепи», где Пришвин заявляет о важности для любого человека обрести личное имя, поиск которого является одной из главных задач и общественного бытия, и художественного творчества. Поэтому главному герою Михаилу Алпатову не случайно дается имя «заячье: Курымушка», о чем свидетельствуют мировоззренческие размышления автора, с которых, собственно, и начинается роман. Уже с первых же строк своего повествования Пришвин стремится показать многозначность и многослойность смыслов любого, даже самого простого человеческого имени. Но в зависимости от общественной роли, кроме родового семейного, человек получает еще одно имя. «Мне всегда казалось, – пишет Пришвин, – будто вторые имена являются простейшей попыткой вывести живое современное имя из его родовой заключенности на суд общества, пусть хотя бы и уличного» [4, 9]. Но и второе имя далеко не всегда зависит от индивида, ибо пришло оно к какому-то, может быть, твоему очень далекому предку. И только лишь «третье – твое собственное, личное имя открывает путь тебе самому и представляет собой как бы право на усилие сделаться таким, как хочешь тебе самому и что можно назвать поведением» [4, 10]. В этом высказывании писателя достаточно четко обозначена парадигма дальнейшего повествования о мировоззренческом становлении его автобиографического героя, который, уходя от своей первоначальной природно-биологической сущности, символически отмеченной прозвищем «заячим: Курымушка», становится личностью, чтобы заслуженно обрести имя собственное – не бывалое ни у кого из фамильного рода. Действительно, при рассмотрении детского и юношеского этапов развития личности определяющим фактором в процессе становления любого человека выступает бытие внешней по отношению к индивиду реальности, поскольку развитие личности происходит лишь путем социализации и интериоризации, то есть усвоения правил и способов общественной жизни путем перевода форм бытия внешнего мира в факты своего сознания. «Личность человека тоже "производится", – подчеркивал А.Н. Леонтьев, – создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности» [3, 197]. Но не менее значимым моментом формирования личности выступает и мировоззренческая позиция самого человека, по своей воле и разумению избирающего пути, методы и средства борьбы за собственное «я».

В «Кашеевой цепи» Пришвин еще раз акцентирует, по сути, герменевтическую проблему исторической изменчивости смысла слов, когда в полемическом споре с учителем географии в Елецкой гимназии В.В. Розановым гимназисту Курымушке (прототип юного Михаила Пришвина) неожиданно приходит мысль: как же получается, что вдруг «самая ходячая фраза явится ему в своем первом смысле, а то обычное значение куда-то скроется» [4, 68]. Отсюда понятна та методологическая задача, которую ставит перед собой Пришвин: при повествовании о событиях своего детства всячески стараться сохранять верность правде жизни героев, «независимо от горячего *текущего* времени» [4, 55]. Сложен и тернист путь обретения собственного имени: чтобы стать личностью, человек должен преодолеть различные идейно-политические, религиозные, духовно-нравственные или эстетические соблазны, и, сохранив чистоту души, преодолеть как персональные жизненные испытания, так и социальные катаклизмы. Так в «Кашеевой цепи» писатель, по сути, отмечает герменевтическую проблему контекстуальной многозначности и многослойности смыслов любого, даже самого простого человеческого имени.

Ценность герменевтической установки можно обнаружить и читая «Жизнь Арсеньева», где уже в самом начале повествования Бунин рассказывает о религиозных традициях, которые с самого раннего возраста входили в миропонимание его автобиографического героя. Так прямым герменевтическим указателем на наличие в тексте

скрытых смыслов выступает то, что кроме христианских заповедей, являющихся традиционно-нормативным социокультурным контекстом воспитания в русских дворянских семьях, автор *неожиданно* упоминает характерный для религиозной индуистской мифологии тезис, что именно «волей Агни»¹⁷ заповедано блюсти чистоту, непрерывность крови, породы, дабы не был "осквернен", то есть прерван этот "путь", и что с каждым рождением должна все более очищаться кровь рождающихся и возрастать их родство, близость с ним, единым Отцом всего сущего» [1, 25]. Но так как во многом автобиографический герой Бунина – Алеша Арсеньев в свои юные годы в принципе не мог использовать индуистские понятия для выражения своих буддистских взглядов, то здесь неизбежно возникает проблема адекватности истолкования текста, содержащего столь важные для понимания контексты и подтексты, для чего необходимо обратиться к методологии герменевтики.

Прямым подтверждением наличия в тексте романа «Жизнь Арсеньева» скрытых и неявных смыслов выступает то, что целый ряд сюжетов содержит буддистские мотивы мировосприятия главного героя, которому постоянно кажется, что он все происходящее уже пережил, стоит только вспомнить смутные ощущения некогда виденного, знакомого и врожденного душе. Если ни жаворонок, ни сурок, живущие своей природно-беспечной жизнью, ничему не дивятся и ни о чем не спрашивают, приводит пример Бунин, поскольку «не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чужится человеческой душе в мире, окружающем ее, не знают ни зова пространств, ни бега времени», то у Алексея Арсеньева уже с момента появления на свет было острое, пронизывающее все его существо, врожденное чувство сопричастности историческому течению бытия: «А я уже и тогда знал все это» [1, 26]. Затем на уже имевшуюся родовую прапамять по мере взросления постепенно накладывались ощущения сегодняшнего бытия ребенка: «Детство стало понемногу связывать меня с жизнью, – теперь в моей памяти уже мелькают некоторые лица, некоторые картины усадебного быта, некоторые события» [1, 28]. А далее следует типично буддистский мотив реинкарнации – привыкания души к новой телесной оболочке, когда автор от имени героя, вспоминающего свои первые переживания, сообщает: «Детская душа моя начинает привыкать к своей новой обители, находить в ней много прелести уже радостной, видеть красоту природы уже без боли, замечать людей и испытывать к ним разные, более или менее сознательные чувства» [1, 31].

Еще одним примером буддистских мотивов в романе является сюжет первого столкновения Арсеньева со смертью, когда один из дворовых работников трагически погибает, на всем скаку вместе с лошастью сорвавшись в Провал. Неожиданно для себя Алексей вновь осознает, что ему уже откуда-то известны эти страшные, хотя и «совершенно для меня новые слова? Значит, я их уже знал когда-то?». Оказывается, приходит к выводу юный герой, есть люди, которые уже «с младенчества имеют обостренное чувство смерти (чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни). <...> Вот к подобным людям принадлежу и я» [1, 42].

Теперь становится более понятной дальнейшая логика развития событий в повествовании, когда у юного Арсеньева, вновь столкнувшегося со смертью теперь уже младшей сестры, возникает чрезмерно экзальтированное влечение к поиску путей избавления от гибели. Примечательнее всего здесь изображение того смятения чувств Алексея, столь внезапно открывшего, что в мире есть смерть, которое явно напоминает буддийское сказание о царевиче Сиддхартхе Гаутаме, решающего от духовного потрясения при столкновении с похоронной процессией порвать с миром и в поисках спасения уйти в «бездомность». Правда, бунинский герой не бежит тайно из дома как индийский царевич.

¹⁷ Бог огня Агни, главный из земных богов ведийской мифологии, играет роль посредника между людьми и богами. В упанишадах Агни отождествляется с всеобъемлющим началом, которое подобно свету пронизывает все мироздание.

Зато он, твердо решив духовно переродиться, «вступил еще в один новый... дивный мир: стал жадно, без конца читать копеечные жития святых и мучеников». И весь этот болезненный восторг, как повествует автор, все эти «полубезумные, восторженно-горькие мечты о мучениях первых христиан, об отроковицах, растерзанных дикими зверями... о киевских пещерах, где починут сонмы страстотерпцев, заживо погребавших себя для слез и непрестанных молитвенных трудов» продлились для Алексея всю долгую зиму [1, 60].

Буддистские мотивы присутствуют и в описании первой тяжелой болезни героя, ставшей для него «как бы странствием в некие потусторонние пределы». От имени ребенка автор рассказывает о специфических признаках болезни, которые более всего напоминают классическую нирвану: чудодейственную перемену всех чувств, «неожиданную потерю желания жить, то есть двигаться, пить, есть, радоваться, печалиться, не исключая самых дорогих сердцу, любить; а затем – целые дни и ночи как бы несуществования, иногда только прерываемого снами, виденьями, чаще всего безобразными, нелепо-сложными, как бы сосредоточившимися в себе всю телесную грубость мира, которая, в распадае, в яростном борении с самой собой, гибнет среди чего-то горячего, пламенного (несомненно, послужившего для человеческих представлений об адских муках)» [1, 58].

Здесь следует сказать, что обоснованность привлечения буддизма для интерпретации религиозной экзальтации юного Арсеньева подтверждается еще одним совершенно неожиданным сюжетным поворотом. Оказывается, примеряя на себя подвижническую жизнь христианских святых и мучеников, наш герой, как пишет автор, «жил только внутренним созерцанием этих картин и образов» [1, 60]. Таким образом, совершенно отчетливо видно, как на традиционно евангельский сюжет повествователь насаждает типично буддистские образы. Ведь если христиане спасаются соборно, в соработничестве с Богом, и даже святые затворники молятся не столько за себя, сколько за братьев во Христе и за мир, то для буддизма характерен именно индивидуализм, единоличное спасение путем погружения в духовную нирвану – внутреннее созерцание, на путь которого, по Бунину, становится Арсеньев.

Тем не менее, гораздо более существенным фактором жизни русского социума было христианство. Если литературный фон, включая мифорелигиозную экзотику буддизма, был значим для жизни прежде всего образованных сословий, то социокультурное влияние православной Церкви распространялось на все классы и слои. Не случайно, проблеме влияния религии на становление личности главных героев в обоих романах уделяется особое внимание. Разумеется, здесь нужно учесть социально-политический контекст жизни обоих писателей. Если Бунин, будучи в эмиграции, мог в «Жизни Арсеньева» высказывать свои религиозно-мировоззренческие взгляды абсолютно свободно, то для Пришвина условием творчества (да и самого существования в воинственно-атеистическом государстве) было соблюдение жестких ограничений, установленных коммунистическим режимом. Поэтому понятно, что все сюжеты «Кашеевой цепи», относящиеся к религии, идеологии и политике по необходимости излагаются либо «эзоповым» языком, либо с учетом цензурных ограничений.

Безусловно, переживания детства и юности, когда ощущения, чувства, желания и потребности зачастую еще слиты в нераздельном единстве, заложили основу миропонимания обоих писателей, определяясь и географическим местом жительства родителей, их социальным, экономическим и правовым положением, и духовной атмосферой семьи, и особенностями среды, оказывая контекстуальное влияние на становление их внутреннего мира. Очевидно, что подлинное искусство не принадлежит лишь прошлому, не замыкается исключительно на своем времени, но современно любой эпохе, ибо является искусством классическим, т.е. обладающим как бы вневременным настоящим. «В "классическом" получает свое высшее выражение всеобщий характер исторического бытия, сохраняющее, сберегающее начало в руинах времени» [2, 343]. Эта способность выражения всеобщности бытия в подлинном произведении искусства обеспечивается тем, что оно участвует в диалоге с культурой, так как отражает

и одновременно выражает не только художественно-эстетические, но исторические, нравственные, религиозные, философские, политические и многие другие аспекты общественной жизни.

Подводя предварительные итоги анализа жизненного и творческого пути Ивана Бунина и Михаила Пришвина, следует отметить, что за художественным бытием их персонажей скрываются «метафизические» смыслы, оно насыщено множеством разных исторических, религиозных, философских, эстетических, этических и т.п. концептов. Все это требует поиска новых интерпретаций творчества писателей, чему в определенной мере способствует методология герменевтического анализа.

1. Бунин И.А. *Жизнь Арсеньева* // Бунин И.А. *Собр. соч.: в 8 т. М., 1996. Т. 5.*
2. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.*
3. Леонтьев А.Н. *Избранные психологические произведения* // Леонтьев А.Н. *Соч.: в 2 т. М., 1983. Т. 2. Деятельность. Сознание. Личность.*
4. Пришвин М.М. *Кащеева цепь* // Пришвин М.М. *Собр. соч.: в 8 т. М., 1982. Т. 2.*

Информация об авторе

Александр Модестович Подоксенов,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры философии и социальных наук.
Научные интересы: история русской философии,
история русской литературы.
ORCID ID: 0000-0001-6405-6140
SPIN-код: 7121-9613, AuthorID: 496656
E-mail: podoksenov2006@rambler.ru

Information about the author

Alexander M. Podoksenov,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Lipetsk region,
Yelets, Kommunarov str., 28.
Doctor of Sciences in Philosophy, Docent, Professor
of the Department of Philosophy
and Social Sciences.
Research interests: history of Russian philosophy,
history of Russian literature.
ORCID ID: 0000-0001-6405-6140
SPIN-code: 7121-9613, AuthorID: 496656
E-mail: podoksenov2006@rambler.ru

Поступила в редакцию 30.10.2025;
одобрена после рецензирования 17.11.2025;
принята к публикации 17.11.2025;
опубликована 18.12.2025.

The article was submitted 30.10.2025;
approved after reviewing 17.11.2025;
accepted for publication 17.11.2025;
published 18.12.2025.

Ссылка для цитирования: Подоксенов А.М. Пришвин и Бунин: о герменевтике анализа творчества писателей // *Philologos*. 2025. № 4 (67). С. 70–75. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-70-75.

For citation: Podoksenov A.M. Prishvin and Bunin: On the Hermeneutics of Analyzing the Works of Writers // *Philologos*. 2025. No. 4 (67). Pp. 70–75. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-70-75.

Права: © А.М. Подоксенов (2025). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY-NC 4.0).